

УДК 343.982(47+57)(091)

В.Н. Чисников,
доктор юридических наук, доцент,
главный научный сотрудник ГНИИ МВД Украины, г. Киев,
ORCID ID 0000-0003-2020-7298

ЦЕНТРАЛЬНОЕ ДАКТИЛОСКОПИЧЕСКОЕ БЮРО ПРИ ГЛАВНОМ ТЮРЕМНОМ УПРАВЛЕНИИ МИНИСТЕРСТВА ЮСТИЦИИ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ: ОРГАНИЗАЦИЯ И ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ (1906–1916 гг.)

В статье рассмотрены и проанализированы организация и деятельность Центрального дактилоскопического бюро при Главном тюремном управлении Министерства юстиции Российской империи в период 1906–1916 гг.; освещается деятельность его руководителя, “официального царского тюремоведа”, действительного тайного советника Н.Ф. Лучинского (1860 – после 1917) – одного из пионеров внедрения дактилоскопической системы регистрации в тюремных заведениях России, а также результаты Особого совещания при товарище министра юстиции А.Н. Веревкине (1910).

Ключевые слова: Центральное дактилоскопическое бюро (ЦДБ), Главное тюремное управление (ГТУ), Министерство юстиции Российской империи, дактилоскопическая регистрация в тюрьмах, бродяжничество, Н.Ф. Лучинский.

У статті розглянуто і проаналізовано організація та діяльність Центрального дактилоскопічного бюро при Головному тюремному управлінні Міністерства юстиції Російської імперії в період 1906–1916 рр.; висвітлюється діяльність його керівника, “офіційного царського тюремознавця”, дійсного таємного радника М.Ф. Лучинського (1860 – після 1917) – одного з піонерів впровадження дактилоскопічної системи реєстрації в тюремних закладах Росії, а також результати Особливої наради при товариші міністра юстиції О.М. Веревкіну (1910).

Ключові слова: Центральне дактилоскопічне бюро (ЦДБ), Головне тюремне управління (ГТУ), Міністерство юстиції Російської імперії, дактилоскопічна реєстрація в тюрмах, бродяжництво, М.Ф. Лучинський.

В современной криминалистической литературе вопрос о деятельности Центрального дактилоскопического бюро при Главном тюремном управлении Министерства юстиции Российской империи многими авторами рассматривается, как правило, фрагментарно. Единственной содержательной и работой по этой теме является статья сотрудника указанного учреждения Д.И. Васильева, опубликованная в журнале “Тюремный вестник” в 1916 г. [1] и известная в настоящее время узкому кругу специалистов [2]. Именно она и положена в основу настоящей статьи, целью которой является рассмотрение основных аспектов организации и деятельности первого учреждения, внедрившего дактилоскопическую систему регистрации в тюремных заведениях Российской империи, а также освещение деятельности ее руководителя, известного тюремоведа и криминалиста Н.Ф. Лучинского.

В январе 1907 г. Министерство юстиции Российской империи, озабоченное отысканием действенных средств борьбы с бродяжничеством, приняло решение создать при Главном Тюремном Управлении (ГТУ) Центральное дактилоскопическое бюро (далее – ЦДБ), в котором должны были сосредотачиваться все дактилоскопические данные, необходимые для обнаружения личности бродяг. Главная задача, стоящая перед вновь создаваемым учреждением, – “...содействовать судебным следователям путем применения специальной системы регистрации преступников

в обнаружении личности обвиняемых в том специфическом преступной деянии, которое в законе именуется бродяжничеством и заключается в отказе данного лица объявить свое имя и звание” [3, с. 74]. Заведующим ЦДБ был назначен по совместительству инспектор ГТУ, действительный статский советник Н.Ф. Лучинский, а его помощниками – сотрудники ГТУ: главный архивариус статский советник Д.И. Васильев и чиновник канцелярии коллежский регистратор Силенко.

Следует сказать, что в начале XX века в Российской империи, пожалуй, не было лица более активного, деятельного и компетентного в вопросах пенитенциарной системы, чем Н.Ф. Лучинский, которого известный юрист, профессор Б.С. Утевский называл “официальным царским тюрьмоведом” [4, с. 116]. Кроме того, Николая Флориановича по праву можно считать одним из пионеров внедрения дактилоскопической системы регистрации в тюремных заведениях Российской империи [5, с. 438].

Николай Флорианович (Федорович) Лучинский родился 22(10) января 1860 года в г. Тараща Киевской губернии в семье отставного обер-офицера. Закончив в 1882 г. юридический факультет императорского Новороссийского университета со степенью кандидата прав, он решил посвятить себя практической деятельности, хотя его оставляли в университете для подготовки к профессорскому званию. Около 30 лет Н.Ф. Лучинский отдал службе в судебных органах и центральном аппарате тюремного ведомства, был автором научных исследований отечественной пенитенциарной системы, участником многих международных форумов, организатором и главным распорядителем Второго Всероссийского съезда тюремных деятелей в С.-Петербурге (1914 г.), членом русской группы Международного союза криминалистов и в течение 10 лет (до 1917 г.), редактором официального органа российского тюремного ведомства – журнала “Тюремный вестник”. Восходя по карьерной лестнице от кандидата на судебные должности при прокуратуре Одесской судебной палаты до исправляющего должность Киевского губернского тюремного инспектора, он привлекался к дознанию за преступные сношения с “...членами революционного общества”, увольнялся за побег политического заключенного, служил в судах Средней Азии и Прибалтики [6, с. 211–218].

Активно публикуясь с 1902 г. в ведомственных и общеправовых изданиях, Н.Ф. Лучинский вел исследования “практического и научного характера в области тюрьмоведения”. В 1904 г. он подготовил к изданию книгу “Основы тюремного дела” – первое серьезное отечественное исследование аспектов профессиональной компетентности и специфики педагогического процесса подготовки пенитенциарного персонала, которое содержало описание реальных, обоснованных и подкрепленных расчетами условий ее осуществления [7].

Выход книги Н.Ф. Лучинского не остался незамеченным для руководства Главного тюремного управления (далее – ГТУ), и в марте 1905 г. опального автора перевели в Петербург, назначив “состоящим за обер-прокурорским столом сверх комплекта в Судебном департаменте Правительствующего Сената”. По совместительству он должен был исполнять обязанности старшего делопроизводителя ГТУ “...ввиду проявленного им интереса к пенитенциарным вопросам и основательной теоретической подготовки в области последней...” [8]. 1 января 1906 г. Н.Ф. Лучинский получил “генеральский” чин действительного статского советника и был назначен секретарем Совета по тюремным делам, обязанности которого исполнял в течение пяти лет.

В начале 1906 г. министерство юстиции, встревоженное ростом контингента бродяг, большинство из которых составляли преступники, бежавшие из ссылки и мест заключения, признало необходимым установить такую систему регистрации бродяг, которая обеспечила бы возможность установления их личности в случае побега и отказа при задержании назвать свое настоящее имя и звание.

Весной того же года Н.Ф. Лучинский вместе с чиновником ГТУ бароном А.Ф. Штапельбергом был командирован в г. Берлин для ознакомления с применяемыми в Германии методами дактилоскопической регистрации преступников. Изучение опыта немецких коллег показало, что действующая у них система дактилоскопической регистрации является эффективным средством борьбы с бродяжничеством

и обладает значительным преимуществом перед антропометрией (бертильонажем). Вернувшись в Петербург, Николай Флорианович представил министру юстиции обширный доклад по существу дактилоскопической системы регистрации преступников и изложил свои предложения о целесообразности ее применения в России. [6, с. 214].

В конце 1906 г. Министерством юстиции было принято решение о введении в Российской империи дактилоскопической системы регистрации преступников. Для этого при ГТУ было учреждено Центральное дактилоскопическое бюро. Для организации нового подразделения в здании ГТУ, расположенного на площади Александрийского театра, дом 4 (ныне пл. А.Н. Островского) было оборудовано специальное помещение, оснащенное шкафами, ящиками, папками, лупами, бланками и иными канцелярскими принадлежностями. Ближайшей задачей, возложенной на сотрудников, было: классификация дактилоскопических снимков, распределение последних по папкам и шкафам, а так же ведение карточного алфавита.

Одновременно с устройством ЦДБ руководство ГТУ предприняло меры к введению в действие дактилоскопической системы регистрации преступников в местах их содержания. Для этого в мастерских Петроградской одиночной тюрьмы было изготовлено около 1000 комплектов дактилоскопических приборов, состоящих каждый из металлической на дереве пластинки, каучуковой катушки и коробки с типографской краской. Кроме того, были отпечатаны до 10000 экземпляров бланков дактилоскопических листов.

К этому времени Н.Ф. Лучинский разработал “Правила о производстве и регистрации дактилоскопических снимков”, утвержденные министром юстиции И.Г. Щегловитовым 16 декабря 1906 г., а также “Наставление о способе изготовления дактилоскопических снимков” и “Наставление о способе регистрации дактилоскопических снимков”. Н.Ф. Лучинским также был подготовлен циркуляр ГТУ от 30 декабря 1906 г. № 32 “О применении дактилоскопии как системы регистрации наиболее важных преступников”, который вместе с Правилами и Наставлениями, а также комплектами приспособлений и бланков были направлены губернаторам по числу мест заключения в каждой губернии, области или градоначальстве из расчета по одному комплекту принадлежностей, Правил и Наставлений.

Циркуляр предписывал обязательное дактилоскопирование обвиняемых в бродяжничестве, а также в преступлениях, влекущих за собой наказания, связанные с лишением прав состояния; дактилоскопирование присужденных к ссылке на каторжные работы или на поселение. Начальникам тюремных заведений предписывалось безотлагательно дактилоскопировать всех содержащихся в тюрьмах в день получения циркуляра арестантов и отправить их карты в ЦДБ [9, с. 44–64].

Вскоре в ЦДБ со всех уголков России стали поступать дактилокарты преступников. К сожалению, многие из них были “...с неудовлетворительно исполненными отпечатками вследствие неточного соблюдения при дактилоскопировании преподаваемых по сему предмету правил”. В связи с этим, с целью улучшения качества заполнения дактилоскопических листов, ЦДБ приняло решение “...преподать дополнительные руководящие указания по сему предмету” [2, с. 591], которые и были напечатаны в ведомственном журнале “Тюремный вестник” (1907. № 3 (март)).

В результате принятых мер количество и качество присылаемых дактилоскопических карточек с каждым годом возрастало. Через два года регистрационный массив ЦДБ уже насчитывал 18000 дактилокарт. Увеличивалось и количество преступников, личность которых была установлена с помощью дактилоскопической регистрации. Первый такой случай имел место уже в сентябре 1907 г.

В феврале 1907 г. от начальника Томской тюрьмы в ЦДБ был доставлен дактилоскопический листок на арестанта Михаила Ефимова Кукушкина, обвинявшегося по ст. 951 Уложения о наказаниях, а затем освобожденного из тюрьмы, с передачей в распоряжение полиции. Затем, в сентябре того же года в ЦДБ от начальника самарской тюрьмы поступил дактилоскопический листок на арестанта Арсения Федорова Шубина, обвинявшегося по ст.ст. 951 и 952 Уложения о наказаниях. Будучи надлежащим образом зарегистрированы, означенные листки дали одинаковые дактилоскопические формулы. При дальнейшем их исследовании оказалось, что

дактилоскопические снимки обоих листов являются тождественны. Благодаря указанным обстоятельствам было установлено, что “арестанты Кукушкин и Шубин, дактилоскопированные в разное время, в разных местах и под разными фамилиями, в сущности представляют одно и то же лицо” [2, с. 594].

Системой такие явления, по словам Н.Ф. Лучинского, стали, начиная с лета 1908 г. [3, с. 74]. Вот еще один интересный случай своевременного содействия ЦДБ следственной власти в установлении личности бродяги-женщины:

15 мая 1908 года из Петроградского Дома предварительного заключения поступил дактилоскопический листок на арестантку, обвиняемую в бродяжничестве, которая заявила, что она является австрийской подданной и ее личность могут удостоверить родные, проживающие в г. Львове. В случае, если бы ее показания подтвердились, хотя бы и с помощью подставных свидетелей, то арестованную должны были бы выслать за границу, как иностранную подданную. Однако этого не случилось, т.к. с помощью ЦДБ было установлено, что “иностранка” в свое время совершила побег из поселения в Сибири [2, с. 595–596].

Следует отметить, что все случаи установления личности бродяг ЦДБ публиковались в журнале “Тюремный вестник” в разделе “Хроника тюремной жизни”. Согласно отчетам ЦДБ, за первые три года его функционирования ежегодно устанавливались личности двух-трех десятков бродяг, но с 1911 г. по 1916 г. количество устанавливаемых лиц данной категории колебалось от 107 до 253. Подавляющее большинство установленных с помощью дактилоскопической системы регистрации лиц были осужденными на каторжные работы (1045 чел., в том числе 10 женщин) [10, с. 208].

В 1908 г. Н.Ф. Лучинский опубликовал в “Журнале Министерства юстиции” статью “Дактилоскопия и ее роль при производстве следствия”, в которой довольно подробно описал историю дактилоскопической системы регистрации, ее применение в тюремных учреждениях России и результаты деятельности ЦДБ за два года его функционирования [3].

В начале 1909 г. в ЦДБ от судебных следователей и других лиц, проводящих предварительное следствие по уголовным делам, стали поступать многочисленные ходатайства об исследовании отпечатков пальцев, оставленных преступниками на месте преступления. Нередко такие ходатайства поступали вместе с вещественными доказательствами и дактилокартами подозреваемых. Однако сотрудники ЦДБ вынуждены были отказывать в проведении таких исследований, так как, во-первых, не считали себя уполномоченными для производства “...чрезвычайно ответственных по своим результатам исследований”, а во-вторых, не имели “...в своем распоряжении таких аппаратов и приспособлений, которые давали бы возможность воспроизвести применяемые в подобных случаях технические приемы” [2, с. 596].

В июне 1909 г. Н.Ф. Лучинский с “высочайшего соизволения” министра юстиции был командирован за границу (Францию и Австрию) с целью “...изучения приемов, употребляемых при экспертизе в означенных выше странах”. Находясь в Париже и Вене, он закупил дактилоскопические принадлежности и фотоаппаратуру, необходимые для проведения дактилоскопических исследований. С этого времени сотрудники ЦДБ стали по существу выполнять дактилоскопические экспертизы по постановлениям судебных следователей, и их “неоднократно допрашивали в качестве сведущих лиц в камерах судебных следователей Петрограда” [2, с. 596].

По возвращению из командировки в октябре того же года Николай Флорианович, “во исполнение возложенного на него поручения”, представил начальнику ГТУ тайному советнику Хрулеву обстоятельный доклад. На основании этого доклада Хрулев подготовил министру юстиции И.Г. Щегловитову докладную записку, в которой предлагал свои соображения по поводу применения в России “...дактилоскопической системы исследования отпечатков пальцев, оставленных злоумышленниками на месте преступления”.

В частности, начальник ГТУ предлагал создать при министерстве юстиции Центральное Фотографо-Дактилоскопическое Бюро (ЦФДБ), которое должно состоять из трех отделений: 1) регистрационно-дактилоскопического, имеющего назначение установление личности бродяг; 2) по исследованию отпечатков пальцев, оставляемых преступниками на месте преступления; и 3) по исследованию подлогов,

которое должно возлагаться на трех помощников начальника ЦФДБ. Последний, кстати, должен быть “...хорошо знакомый с техникой как дактилоскопии, так и фотографии”.

В докладной записке Хрулев так же предлагал образовать при министерстве юстиции под председательством одного из товарищей (заместителей) министра Особое совещание для рассмотрения вопроса о применении дактилоскопического способа исследования отпечатков, оставленных злоумышленниками на месте преступления”. Для участия в работе совещания он предлагал пригласить представителей от Центрального управления минюста, судебного ведомства, ГТУ, ЦДБ и Департамента полиции МВД “...для выработки общих положений, на которых должна быть основана инструкция местным органам следственной и полицейской власти о порядке обнаружения, фиксирования и доставления в названное Бюро подлежащих его исследованию дактилоскопических отпечатков” [2, с. 600].

12 декабря 1909 г. И.Г. Щегловитов в письме к премьер-министру П.А. Столыпину писал: “Милостивый государь Петр Аркадьевич,... вследствие того, что исследование дактилоскопических отпечатков, найденных на месте происшествия, требует столько же дактилоскопической, сколько и фотографической экспертизы, а также, что дело это по своему существу имеет весьма тесную связь с функциями состоящего при Главном Тюремном Управлении Центрального Дактилоскопического Бюро и Судебно-фотографической лаборатории, существующей при Прокуроре С.-Петербургской Судебной Палаты, – возникло предложение о возможности объединения означенных учреждений в одном Центральном Дактилоскопо-Фотографическом Бюро, включив в состав функций последнего также и исследование упомянутых дактилоскопических следов” [11, с. 22].

12 мая 1910 года под председательством товарища министра юстиции тайного советника А.Н. Веревкина состоялось первое заседание Особого совещания, созванного специально для рассмотрения вопроса о применении дактилоскопического способа исследования отпечатков, оставляемых злоумышленниками на месте происшествия. Участники форума признали крайне желательным применение в России этого способа исследования, т.к. он имеет “...существенное значение для целей уголовного правосудия”. Было признано, что применение дактилоскопического способа необходимо поставить под непосредственный контроль судебной власти, непосредственно судебных следователей. Именно они для исполнения технической стороны дела должны привлекать специалистов. Добытые таким способом отпечатки пальцев, оставленные преступниками, судебные следователи должны будут направлять в особое бюро (лаборатории) для их фотографического исследования и сличения с дактилоскопическими карточками лиц, подозреваемых в совершении данного преступления.

При обсуждении вопроса о том, на какие учреждения должно быть возложено производство экспертизы добытых на месте преступления дактилоскопических отпечатков, участники совещания признали необходимым отказаться от сосредоточения такого исследования в одном центральном бюро в Петербурге. Подобная централизация, по их мнению, вызовет на практике заметную медлительность, “...особенно нежелательную в таком живом, не терпящем отлагательства деле, как уголовный розыск”. Поэтому пришли к выводу о необходимости создания таких бюро исследований в губернских городах, в которых расположены Судебные Палаты.

В решении совещания так же было отмечено, что “...учреждение нескольких таких лабораторий будет иметь еще и ту хорошую сторону, что создаст на местах кадры лиц, практически и технически ознакомленных с дактилоскопическим способом исследования, и обеспечит возможность расширить в будущем область его применения”. Кроме того, участники совещания признали необходимым распространить обязательное дактилоскопирование на всех осуждаемых к отдаче в исправительные отделения, а также к тюремному заключению за преступления корыстного характера. [2, с. 600–601].

На состоявшейся летом 1911 года Царскосельской юбилейной выставке, в которой принимало участие и тюремное ведомство, в павильоне последнего были

представлены образцы оборудования ЦДБ, обратившие на себя внимание публики. По отзывам газет, это оборудование было выставлено в натуральном виде. Сотрудники павильона давали желающим объяснения и демонстрировали сам способ изготовления пальцевых отпечатков, что вызывало живейший интерес посетителей тюремного павильона. Любопытные граждане внимательно расспрашивали о сущности дактилоскопии, некоторые из них с нескрываемым удовольствием дактилоскопировались и оставляли себе на память собственные отпечатки пальцев. В павильоне была выставлена таблица, на которой наглядно демонстрировался прогрессивный рост случаев обнаружения бродяг со времени учреждения ЦДБ, а также полный список всех арестантов, личность которых была установлена с помощью дактилоскопии [12].

В сентябре 1911 г. с разрешения министра юстиции дактилоскопические принадлежности и фотоаппаратура, купленные Н.Ф. Лучинским в Вене во время командировки осенью 1909 года, были переданы в судебно-технический кабинет Училища правоведения. Это было сделано в связи с тем, что с открытием Петербургского кабинета научно-судебной экспертизы функции ЦДБ были окончательно ограничены лишь регистрационными задачами, а привезенная из-за границы специальная аппаратура оставались в ГТУ без соответствующего употребления.

Количество преступников, личность которых была установлена с помощью дактилоскопической регистрации, постоянно увеличивалась. О результатах деятельности ЦДБ Н.Ф. Лучинским был сделан специальный доклад на Международном конгрессе судебной полиции в Монако (1914 г.). Во время работы конгресса он был избран членом Общества криминологии и социальной защиты.

Сотрудникам ЦДБ в течении 1907–1916 годов удалось установить личность 11 трупов, 4 из которых были найдены на улицах, 1 в погребке военных лагерей, 6 неизвестных было убито при задержании в момент совершения преступления или бегства с места события. Вот один из примеров:

19 июня 1915 года в г. Верхоленске неизвестными лицами было совершено разбойное нападение на полицейское управление и местное казначейство. При погоне за ними полицейскими были убиты 9 преступников, а один из них покончил жизнь самоубийством. Каких-либо документов при убитых обнаружено не было.

По просьбе прокурора Иркутского окружного суда, приславшего отпечатки 10 неизвестных преступников, сотрудники ЦДБ установили, что двое из убитых были в свое время осуждены к ссылке на каторжные работы: Владимир Щекин за убийство – на 8 лет и Георгий Чечерин (Чичерин) за вымогательство денег и побег с военной службы – на 4 года. Третий – Василий (Николай) Кушминов оказался осужденным за бродяжничество на 4 года с отбыванием наказания в исправительно-арестантском отделении. Личность остальных 7 трупов идентифицировать не удалось из-за отсутствия на них в ЦДБ дактилоскопических карточек. [2, с. 606].

Согласно отчетам ЦДБ, за десять лет своего существования тремя его сотрудниками было обработано более 95 000 дактилоскопических карточек и установлено 1147 неизвестных, среди которых было 559 бродяг. И, как заключал Д.И. Васильев, десятилетний опыт деятельности их учреждения убедительно доказал, что стоящая перед ними основная задача – борьба с бродяжничеством, ведется успешно [2, с. 611].

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. *Васильев Д.И.* Очерк деятельности состоящегося при Главном тюремном управлении Центрального дактилоскопического бюро за первое X-летие его существования (1906–1916 гг.). Тюремный вестник. 1916. № 12. С. 1255–1324.

2. *Статья Д.И. Васильева* перепечатана в книге “Криміналістичні реєстраційно-довідкові установи Міністерства внутрішніх справ та Міністерства юстиції Російської імперії (1889–1917 рр.): у 2-х кн. / Вербенський М.Г., Гирько С.І., Проценко Т.О. та ін. К.: Харків, 2013. Кн. 1. С. 565–611. Ссылки в настоящей статье даются по этому изданию.

3. *Лучинский Н.Ф.* Дактилоскопия и ее роль при производстве следствия. Журнал Министерства юстиции. 1908. № 10 (декабрь). С. 74–103.

4. *Утевский Б.С.* Развитие советской исправительно-трудовой науки. Труды ВШ МООП СССР. Вып. 16. Москва: НИИРПО ВШ МООП СССР, 1967. С. 114–127.

5. Чисников В. Лучинський Микола Федорович. Міжнародна поліцейська енциклопедія: у 10 т. / відп. ред. Ю.І. Римаренко та ін. К.: Атіка, 2009. Т. V: Кримінально-процесуальна та криміналістична діяльність поліцейських організацій.
6. Чисников В.Н. Малоизвестные страницы биографии Н.Ф. Лучинского – известного тюрьмовед и криминалиста Российской империи. Криміналістичний вісник. 2014. № 2(22). С 211–218.
7. Волошин Д.В. Историко-педагогическое наследие Н.Ф. Лучинского. Образование и наука. 2016. № 6 (135). С. 187–199.
8. О службе состоящего за обер-прокурорским столом сверх комплекта в Судебном департаменте правительствующего Сената Николая Флориановича Лучинского. Российский Государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1405. Оп. 545. Д. 1719. Л. д. 186.
9. Циркулярное отношение гг. Губернаторам Главного Тюремного Управления от 30 декабря 1906 года № 32 “О применении дактилоскопии, как системы регистрации наиболее важных преступников”. Тюремный вестник. 1907. № 1.
10. Хазиев Ш.Н. Из истории бертильонажа в дореволюционной России. Папиллярные узоры: идентификация и определение характеристик личности (дактилоскопия и дерматоглифика). М., 2002. С. 204–234.
11. Цит. по: Крылов И.Ф. Криминалистическое учение о следах. Л.: Изд-во ЛГУ, 1976, 467 с.
12. Русское слово. 1911. 10 августа (№ 183).
13. О Н.Ф. Лучинском также см.: Чисников В.Н. Лучинский Николай Флорианович (Федорович). Криміналістичні реєстраційно-довідкові установи Міністерства внутрішніх справ та Міністерства юстиції Російської імперії (1889–1917 рр.): у 2-х кн. / Вербенський М.Г., Гирько С.І., Проценко Т.О. та ін. К.: Харків, 2013. Кн. 1. С. 619–624; его же. Лучинский Н.Ф. – известный тюрьмовед и криминалист: неизвестные страницы биографии. Пенитенциарна наука і практика крізь призму юридичної біографістики: збір. матеріалів круглого столу. К., 2014. С. 33–40.

REFERENCES

1. Vasiliev, D.I., 1916, Ocherk deyatelnosti sostoyashchegosya pri Glavnom tyuremnom upravlenii Tsentral'nogo daktiloskopicheskogo byuro za pervoye KH-letie yego sushchestvovaniya (1906–1916 gg.). “Essay on the Activities of the Central Dactyloscopic Bureau at the General Prison Administration for the First X Anniversary of Its existence (1906–1916), Prison Herald 12, 1255–1324 [in Russian].
2. Verbenskiy, M.G., Girko, S.I., Protsenko, T.O. and others, “Paper of D.I. Vasiliev Was Reprinted in the Book “Critical Reconstruction and Establishment of Internships of Internal Justice and the Ministry of Justice of the Russian Federation (1889–1917 pp.)”: in 2 copies. K.: Kharkiv, 2013. Book 1, 565–611. References to the article are given on this edition [in Russian].
3. Luchinskiy, N.F., 1908, Daktiloskopiya i yeye rol' pri proizvodstve sledstviya. “Dactyloscopy and Its Role in the Production of the Investigation”, Journal of the Ministry of Justice 10 (December), 74–103 [in Russian].
4. Utevskiy, B.S., 1967, Razvitiye sovetskoy ispravitel'no-trudovoy nauki. “The Development of Soviet Corrective Labor Science”, Papers VS MOOP USSR 16. Moscow, 114–127 [in Russian].
5. Chisnikov, V., 2009, Luchynskiy Mykola Fedorovich. Mizhnarodna politseyska entsyklopediya. “Luchinskyi Mykola Fedorovich”/ International police encyclopedia: in 10 books / editors Y.I. Rymarenko and others. K.: Atika. Vol. V. Criminal and Processual Criminality is the Power of Political Bodies [in Ukrainian].
6. Chisnikov, V.N., 2014, Luchynskiy Mykola Fedorovich. Mizhnarodna politseyska entsyklopediya. “Little-Known Pages of the Biography of N.F. Luchinskyi – Famous Prison Specialist and Criminalist of the Russian Empire”, Criminal Bulletin 2 (22), 211–218 [in Russian].
7. Voloshin, D.V., 2016, Istoriko-pedagogicheskoye naslediy N.F. Luchinskogo. “Historical and Pedagogical Heritage of N.F. Luchinsky”, Education and Science 6 (135), 187–199 [in Russian].
8. “About the Service of the Government Senate Nikolai Florianovich Luchinskyi, Which is at the Desk of the Ober-Prosecutor over the Set in the Judicial Department”. Russian State Historical Archive (RGIA). F. 1405. D. 545. D. 1719. Art. 186 [in Russian].
9. 1907. Circular relation. To the Governors of the Main Prison Administration of December 30, 1906 No 32 “About the Use of Fingerprinting as a System for Registering the Most Important Criminals”, Prison Herald 1 [in Russian].
10. Khaziev, S.N., 2002, Iz istorii bertil'onazha v dorevolutsionnoy Rossii. Papillyarnyye uzory: identifikatsiya i opredeleniye kharakteristik lichnosti (daktiloskopiya i dermatoglifika). “From the History of Bertilonazh in Pre-Revolutionary Russia. Papillary Patterns: Identification and Characterization of Personality (Fingerprinting and Dermatoglyphics)”, 204–234.
11. Krylov, I.F., 1976, Kriminalisticheskoye ucheniye o sledakh. “Forensic Doctrine of Traces”. L.: Publishing House of Leningrad State University, 467 p. [in Russian].
12. Russian word. 1911. August 10 (# 183) [in Russian].
13. About N.F. Luchinsky also see: Chisnikov V.N. Luchinskyi Nikolai Florianovich (Fedorovich). Criminals Registry of the Ministry of Internal Affairs and the Ministry of Justice of the Russian Union (1889–1917): in 2 books. / Verbenskiy, M.G., Girko, S.I., Protsenko, T.O. and others. K.: Kharkiv, 2013. Vol. 1, 619–624.

UDC 343.982(47+57)(091)

V.M. Chisnikov,
Doctor of Law, Associate Professor, Chief Researcher
of the Department of the State Research Institute
MIA Ukraine, Kyiv,
ORCID ID 0000-0003-2020-7298

CENTRAL DACTYLOSCOPIC BUREAU UNDER THE MAJOR PRISON MANAGEMENT OF THE MINISTRY OF JUSTICE OF THE RUSSIAN EMPIRE: ORGANIZATION AND ACTIVITIES (1906–1916)

Paper examines and analyzes the organization and activities of the Central Fingerprint Bureau (CDB) under the General Prison Administration of the Technical University of the Ministry of Justice of the Russian Empire for the first 10 years of its operation (1906–1916). In modern forensic literature, the issue of the activities of the Central Statistical Bureau was considered by many authors, as a rule, fragmentarily. The only substantive work on this topic is the paper of the employee of the specified institution D.I. Vasilyev, published in the journal “Prison Herald” in 1916 (No 12) and currently known to a narrow circle of specialists. It is the basis of this paper, the purpose of which is to examine the main aspects of the organization and activities of the first institution that introduced the fingerprint system of criminal registration into prison institutions of the Russian Empire, as well as highlighting of the activities of its leader, a famous prison specialist and criminologist N.F. Luchinskyi (1860–after 1917).

At the beginning of 1906, the Ministry of Justice of the Russian Empire, being awakened by the increasement of vagrants, most of whom were criminals who had escaped from exile and places of detention, decided to create at the Central Prison Administration the Central Finger Bureau, in which all fingerprint data needed for identity tramps was collected.

The new division was created in January 1907 and consisted of three employees: 1) N.F. Luchinskyi (Head) 2) D.I. Vasilyev and 3) Sylenko (assistants). The main task of the newly created institution was “... to assist the judicial investigators, through the use of a special system of registration of criminals, in detecting the identity of the accused in that particular act, which is called vagrancy in the law and is the refusal of the person to declare his name and title”. According to CSL reports, for more than ten years of its existence, its employees processed more than 95,000 fingerprint cards and found 1147 unknowns, among which there were 559 vagrants.

Paper also highlights the results of the Special Meeting with the Deputy Minister of Justice A.N. Veriovkin, which was convened on the initiative of the Head of the CDB N.F. Luchinskyi to consider the issue of using the fingerprint method of examining fingerprints left by criminals at the crime scene (1910).

Thus, a decade of experience in the activities of the Central Fingerprint Bureau of the General Prison Administration of the Ministry of Justice of the Russian Empire under the leadership of the well-known prison specialist and criminalist N.A. Luchinskyi convincingly proved that the main task facing this institution, the fight against vagrancy, was successfully completed.

Keywords: Central Dactyloscopy Bureau, Central Prison Administration (STU), Ministry of Justice of the Russian Empire, dactyloscopic registration in prisons, vagrancy, N.F. Luchinsky.

Отримано 16.05.2018